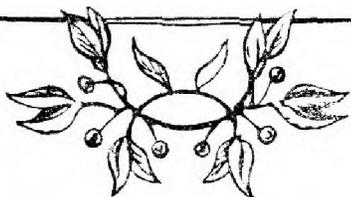

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized leaf or a small bird's tail.

A decorative flourish consisting of a central oval shape with two curved lines extending upwards and outwards, resembling a stylized bird or a winged figure.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

А. П. Сумароков

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они друг друга разумеем,
И помощью слов пространна языка,
Все можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем все и чувствие и страсти,
И мысли голосом делим на мелки части.
Прияв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображеннем всеяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу сообщаем,
И в письмах то своих потомкам оставляем.

*1747. Эпистола о русском языке. Соч., т. I, стр. 329.**

...язык есть ко снисканию исторической истины, вернейший
руководец.

О происхождении российского народа. Соч., т. X, стр. 121.

...Разумная грамота есть ясное изображение и начертание тончайших наших мыслей и тончайшего чувства. А учения грамота хорошая всякому нужна...¹

О правописании. Соч., т. X, стр. 20.

<...>языки составляются не учеными людьми, но людьми, и не одними рассудительными, но всякими...

1759. К типографским наборщикам. Соч., т. VI, стр. 332.

БОГАТСТВО РУССКОГО ЯЗЫКА

Все хвально драма ли, еклога или ода:
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение писатель дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.

1748. Эпистола о стихотворстве. Соч., т. I, стр. 345.

* А. П. Сумароков. Полное собрание сочинений. Изд. Н. Новикова. М., 1781—1782. Все ссылки по этому изданию.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗМЕНЯЕМОСТЬ ЯЗЫКА²

Долгота времени и расстояние мест, безо всякой другой причины применяет языки <...> Сколько различествует язык писем времени царя Ивана Васильевича, с языком времени царя Федора Алексеевича! Я не говорю с нашим; ибо мы язык свой немецкими и французскими шпикуем словами, чего по большей части и современники наши не разумеют...

О происхождении российского народа. Соч., т. X, стр. 122.

Что Русской язык близок от своего происхождения, то от множества коренных слов ясно видно. Сие языкам оставляет естественную красоту и великолепие; ибо народы составляющие себе язык являют словами начертание естества, и в мыслию и чувствием сходство произношения.

О коренных словах русского языка. Соч., т. IX, стр. 279.

КОНСЕРВАТИЗМ СУМАРОКОВА В ВОПРОСЕ ОБОГАЩЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

Такия непристойности и в язык наш введены на прием: слова *обнародовать, преследовать, предмет, на какой конец* и проч. Не знаю только, будут ли наши потомки, сии странные изображения употреблять: будут ко порче языка, ежели безграмотныя писцы не перестанут марать бумаги; ибо древность и безобразныя речения благообразными делает, как например: слово *поборник*, не то знаменует какво оно, но совсем противное; *поборник* мой по естеству своему тот, который меня поборает, а по употреблению тот, который за меня другого поборает. Сим образом вошло сие: слышу запах, хотя запах обонянию, а не слуху свойственен; но *слышу* вместо *обоняю* никто еще в печати не издавал, хотя в простом складе то употребить и можно: *обнародовати* значит *населить; преследовать*: исследованное дело вновь исследовать, или огнать кого, а не гнать! а *предметом* могла бы назваться *цель*, а не *вид* моих устремления, если бы такое слово и существовало. Вошло было в моду слово *тесная дружба*, вместо, *великая дружба*; но в нашем языке *тесная дружба* знаменует принужденную дружбу, да и то не употребительно.

*О правописании.*³ Соч., т. X, стр. 13—14.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

Имена прилагательныя кончаются у меня во множественном всех родов в именительном падеже на *я*. А потому что я по единому только собственному моему произволению ни каких себе

правил не предписываю, и не только другим, но и самому себе в грамматике законодателем быть не дерзаю, памятуя то, что Грамматика повинуется языку, а не язык Грамматике; так должен я объявить вам, ради чего я все прилагательныя так оканчиваю. Ради того, что все так говорят. А для чего так говорить начали, о том спросите древних предков наших, ежели вы к тому случай имеете. А всенароднаго употребления невозможно опровергнуть, да и не для чего. Другой на сие довод столько ж важен; в Славенских наших книгах, прилагательныя имена, множественного числа в единственном, рода мужского кончаются на *и*. В женском и в среднем на *я*. Ежели нам следуя тому поступать, так мы Славенским мужеским окончанием введем нечто не свойственное в нынешний язык наш, к чему народ не только привыкать не может, но и не станет.

1759. К типографским наборщикам. Соч., т. VI, стр. 327—328.

Грамматика во всех народах есть во естестве: и всегда писатели весьма хорошия предшествовали Грамматике; ибо люди говорят и пишут не Грамматике следуя, но разуму основанному на естестве вещи: а Грамматика устанавливается по народу и паче по авторам. Когда писал Гомер, тогда у еллинов еще не было написанной Грамматики, но сей великий пнит и отец пнитов Грамматику знал.

О правописании. Соч., т. X, стр. 39.

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ И НАЦИОНАЛЬНУЮ САМОВЫТНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Я люблю наш прекрасный язык, и стал бы радоваться, ежели бы познав оного красоту в нем русские люди больше нынешнего упражнялися и успехи получали, и чтобы не язык, но свое нерадение обвиняли: но любя язык русской, могу ли я такие похвалити сочинения, которыя его безобразят? лучше не имети ни каких писателей, нежели имети дурных<...> Правописание наше подъячя и так уже совсем испортили. А что свойственно до порчи касается языка, немцы насыпали в него слов немецких, петиметры французских, предки наши татарских, педанты латинских, переводчики Священнаго писания греческих: опасно, чтобы кирейки не умножили в нем и польских слов. Немцы склад наш по немецкой учредили Грамматике. Но что еще больше портит язык наш? худыя переводчики, худыя писатели; а паче всего худыя стихотворцы.

1759. К несмысленным рифмоторцам. Соч., т. IX, стр. 309, 310—311.

Когда вы набираете литеры для моих писем, я прошу вас наблюдать следующее. Сил не ставить ни где; ни в каком слове русским людям они не надобны; мы пишем по-русски не для

чужестранцев, но для себя, а чужестранцы могут темже образом и без сил научиться нашему языку, как мы их языку научаемся. Они знаков на слогах ударения не ставят; однако мы без трудности ударению слов их научаемся<...> Где должно сказать, сёрдца и где сердцá, то всякой русской человек и без сего ему типографскаго предварения поймет, а по складу и чужестранец не ошибется, ежели знает по Русски<...> Собственные имена так же сил не требуют; ибо ударение в собственных именах на Русском языке от ударения чужестранных языков отменяется по нашему свойству<...> Лучше ставить силу над словами чужестранными, в которых нам нет нужды, и которыя присвоены быть не могут, и для того их силою почитать, что они силою въехали в язык наш, и которыя трудно выжить, потому что десять человек их выталкивают, а многия их тысячи ввозят. Это мне смешно, что мы втаскиваем чужия слова, а то еще и смешнее, что тому не многия смеются, хотя язык народа и не последнее дело в народе.

1759. К типографским наборщикам, Соч., т. VI, стр. 326—329.

Во век отеческим языком не гнущайся,

И не вводи в него

Чужого, ничего;

Но собственной своей красою украшайся.

Порча языка. Соч., т. VII, стр. 163.

Довольно наш язык в себе имеет слов;

Но нет довольного числа на нем писцов.

Один последуя несвойственному складу,

Влечет в Германию Российскую Палладу,

И мяя что тем он ей приятства придает,

Природну красоту с лица ея берет.

Другой не выучась так грамоте, как должно,

По-русски, думает, всего сказать не можно,

И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь,

Языком собственным, достойну только сжечь.

Иль слово в слово он в слог Русской переводит,

Которо на себя в обнове не походит.

Тот прозой скаредной стремится к небесам,

И хитрости своей не понимает сам.

Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,

Ругаячи себя, дает писцам в законы. <...>

Кто пишет, должен мысль прочистить наперед,

И прежде самому себе подать в том свет;

Но многия писцы о том не разсуждают,

Довольны только тем, что речи составляют.

Несмысленны чтецы, хотя их не поймут,

Дивятся им, и мнят что будто тайна тут,

И разум свой покрыв читая темнотою,

Невнятный склад писца приемлют красою.

Нет тайны никакой безумственно писать.
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно,
И речи бы текли свободно и согласно.
Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет:
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъясненно.
Но кто ненаучен исправно говорить,
Тому не без труда и грамотку сложить,
Слова, которые пред обществом бывают,
Хоть их пером, хотя языком предлагают,
Гораздо должны быть пышнее сложены,
И риторски красы в них были включены,
Которые в простых словах хоть необычны;
Но к важности речей потребны и приличны,
Для изъяснения разсудка и страстей,
Чтоб тем входить в сердца, и привлекать людей
Нам в оном счастлива природа путь являет,
И двери чтение к искусству отверзает.

.

Язык наш сладок, чист и пышен и богат;
Но скупю вносим мы в него хороший склад;
Так чтоб незнанием его нам не бесславить;
Нам должно весь свой склад хоть несколько поправить.
Не нужно, что бы всем над рифмами потеть,
А правильно писать потребно всем уметь.
Но лъзя ли требовать от нас исправна слога;
Затворена к исму в учении дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Изволь писать Бову, Петра златы ключи.
Подьячий говорит: писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно.
И я то думаю, что будешь человек;
Однако грамоте не станешь знать во век.
Хоть лучшим почерком с подьяческа совета,
Четыре литеры сплетаи ты в слово лета,
И вычурно писать научишься, конец;
Поверь что никогда не будешь ты писец.
Перенимай у тех, хоть много их, хоть мало,
Которых тщание искусству ревновало,
И показало им, коль мысль сия дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердись, что мало книг у нас, и делай пени:
Когда книг Русских нет, за кем идти в степени?
Однако больше ты сердися на себя,
Иль на отца, что он не выучил тебя,

А если б юность ты не прожил своевольно;
 Ты б мог в писании искусен быть довольню.
 Трудолобивая пчела себе берет,
 Отвсюду, то, что ей потребно в сладкий мед,
 И посещающа благоуханну розу,
 Берет в свои соты, частицы и с навозу,
 Имеем сверх того духовных много книг:
 Кто винен в том, что ты Псалтыри не постиг,
 И бегучи по ней, как в быстром море судно,
 С конца в конец раз сто промчался безразсудно.
Коль, аще, точию, обычай истребил;
 Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил?
 А что из старины поныне неотменно,
 То может быть тобой повсюду положенно.
 Не мни, что наш язык, не тот, что в книгах чтем,
 Которы мы с тобой, не Русскими зовем.
 Он тотже, а когда б он был иной, как мыслишь,
 Лишь телько от того, что ты его не смылишь;
 Так чтож осталось бы при Русском языке?
 От правды мысль твоя гораздо в далеке.

1747. Эпистола о русском языке.⁴ Соч., т. I, стр. 329—333.

ЗА КРАТКОСТЬ — ПРОТИВ «КРАСИВОЙ», ПУСТОЙ ФРАЗЫ

<...>Острота разума обширных изъяснений не терпит: да и на что обширность, ежели без нея изъясниться удобно. Многоглаголие свойственно человеческому скудоумию. Все те речи и письма, в которых больше слов, нежели мыслей, показывают человека тупова. Быстрота разума, слов берет по размеру мыслей, и не имеет в словах ни излишества ни недостатка. Сие толкование, сколько до разговоров, столько и до письменных сочинений касается.

Письмо об остроумном слове. Соч., т. VI, стр. 370.

Витийство лишнее природе злейший враг;
 < >
 Коль нет во чьих стихах приличной простоты,
 Ни ясности, ни чистоты;
 Так те стихи лишены красоты
 И полны пустоты.
 Когда булабочка в пузырь надутый резнет,
 Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет,
 Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,
 И только кожица останется одна.

Ответ на оду Василья Ивановича Майкова. Соч., т. IX, стр. 225.

Взошло невежество на самый Геликон,⁵
 И полномочие и тамо изливает:
 Храм мудрых Муз оно безумством покрывает.

Благополучен там несмысленный творец,
Языка своего и разума борец;
За Ипокренскую болотну пьющий воду,
Не чтущий ни какой разумной книги с роду.
Пинтов сих ума ни что не помутит:
Безмозгла саранча без разума летит.

Такой пиит не мыслит,
Лишь только слоги числит.

Когда погибла мысль, другую он возмет:
Вить разума и в сей как во погибшей нет;

И все ему равно прелестно,
Колико б ни была мысль она ни плоха,
Все гадина равна: вошь, клоп, или блоха.
Кто кроме таковых стихов во век не видел,
Возможно ли чтоб он стихов не ненавидел?
И не сказал ли б он: словами нас дарят,
Какими никогда нигде не говорят.
О вы! которые сыскать хотите тайну
В словах, услышав речь со всем необычайну,
Надуту пухлостью, пущенну к небесам,
Так знайте что творец того не знает сам;
А если к нежности он рифмой прилепился,
Конечно за любовь безмозглой зацепился,
И рифмотворцем быть во всю стремится мочь.

Поэзия любовной страсти дочь,
И ею во сердцах горячих укрепились;
Но ежели осел когда в любви горит,
Горит, то на стихах о том не говорит.
Такому автору на что спокойства боле?
Пригодно все ему Парнасс и град и поле;
Ни что не трогает стремление его,
Причина та, что он не мыслит ничего.

Письмо ко князю Александру Михайловичу Голицыну...
Соч., т. IX, стр. 232—233.

ПРОТИВ ЗАСОРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

Взрощен дитя твое и стал уже детина:
Учился, научен, учился, стал скотина:
К чему что твой сынок, чужой язык постиг,
Когда себе плода не собрал он со книг?
Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют:
Но больше ничего они не разумеют.
Французским словом он в речь русскую плывет:
Солому пальею, обжектором вид зовет.
И речи русские ему лишь те прелестны,
Которы на Руси врялям одним известны.

Коль должно молвити о чем или о ком:
 На основании со всем не на таком:
 Он бредит безо сна, и без стыда и смело:
 Не на такой ноге я вижу это дело.
 И есть родители желающа того,
 По-русски б дети их не знали ничего.
 Французски авторы почтенье заслужили,
 Честь веку принеся, они в котором жили.
 Язык их вычищен; но всяк ли Мольер,
 Между французами, и всяк ли в них Вольтер?
 Во всех землях умы великия родятся;
 А глупости всегда ж и более плодятся:
 И мода стран чужих России не закон;
 Мне мнится все равно, присядка и поклон.
 <...>Безмозглым кажется язык российский туп:
 Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп?
 <...> Ни шапка, ни картуз, ни шляпа, ни челма,
 Не могут умножать нам данного ума.
 Темноволосая равно и белокура,
 Когда умна, умна, когда глупа, так дура.
 Не в форме истинна на свете состоит;
 Нас красит вещество, а не по моде вид:
 По моде ткут тафты, парчи, обои, штофы;
 Однако люди те, ткачи, но философы:
 А истинна ни где еще не знала мод<...>
 Языки чужды нам потребны для того,
 Чтоб мы читали в них, на русском нет чего;
 Известно что еще книг русских очень мало...

О французском языке. Соч., т. VII, стр. 364—365.

Там язык отцовской не в презренье;
 Только в презренье те невежи,
 Кои свой язык уничтожают,
 Кои долго странствуя по свету,
 Чужестранным воздухом не к стати,
 Головы пустыя набивая,
 Пузыри надутыя вывозят.

Хор ко превратному свету. Соч., т. VIII, стр. 360.

Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка.² Тако долговременно портился притяжением Латинских слов немецкой, испортился польской <...> как портится немецкими и французскими словами русской. Честолюбие возвратит нас когда-нибудь с сего пути несомненного заблуждения; но язык наш толико сею заражен язвою, что и теперь уже вычищать его трудно <...> Какая нужда говорить вместо *плоды, фрукты?* вм. *столовый прибор, столовый сервиз?* вм. *передняя комната, антишамбера?* вм. *комната, камера?* вм. *онахало, веер?* вм. *епанечка, мантилья?* вм. *верхнее платье, сюртук?*

в. *похлебка, суп?* в. *мамка, гувернантка?* в картах в. *козырь, король, краля, хлап, агут, роа, дама, валет?* в. *насмеяться, мокероваться?* в. *похвала, еложь?* в. *кошелек, бурса?* в. *уборной стол, нахтиш и тоалет?* в. *переписка, корреспонденция,* и еще чуднее, *каришпанденция? начальник повар, кихенмейстер,* и чудные *кухмистр,* не от поварни, да от пирога, и *мистр,* вместо *мейстер?* в. *бризовицик, изломанно, фершел?* в. *часть книги, том?* в. *издание книги, едиция?* в. *остроумие, жени?* в. *рассуждение, бонсан?* в. *воспитание, едюкация?* в. *великолепно, манифик?* в. *нежно, деликатно?* в. *страсть, пассива?* Но кто все то перечесть может! <...> это смешно! Я в *дистракции* и *дезеспере; Аманта моя сделала мне инфиделите;* а я *а ку сюр против риваля своево буду реванжироваться.* Странны чужия слова в разговорах, в письме еще страннее, а в печати и того страннее. Что скажет потомство! Предки наши несколько Татарских слов присвоили нашему языку, из которых мы уже некоторых не в силах выгнать, напр. *Казань, кафтан* и пр., а в гораздо прежние времена вместо *конь,* присвоено слово *лошадь,* от *алаша* и *ат, мерин,* и хотя *мерин* по-немецки от древняго скифского языка называется *Wallach;* однако мы не от древних скифов, но от новых татар приив слово *Лошадь,* Коня в нее преобразили; ибо в славенских наших книгах *Конь Лошадью* нигде не называется <...> От немецких и французских слов русскому языку сея же судьбины ожидать надобно. Греческия слова введены в наш язык по необходимости, и делают ему украшение, а немецкие и французские нам ненадобны, кроме названия таких животных и плодов, и прочаго, каких Россия не имеет, напр. *рыба карп.* По сей необходимости и *стерлядь* наша на немецком и французском языках *стерлядью,* а *соболь* сободем называются. *Сарделли, каперсы, оливки, цитрон, апельсин, померанец* и пр. А *кулик бекасов* и прочее тому подобное, чужими именами напрасно называются. Греческия слова, как напр. *Порфира, скипетр, диадема,* имена наук, болезней и прочия надобныя слова для изъяснения точности потребны нашему языку. Они ж в латинский и во все европейские языки войти право имели; ибо старание греков в нужных именованях наверх совершенства взошло, и получило почтение восприято быть римлянами, а потом и всею Европою для избежания великия трудности в изыскании новых нужных именованей, а некоторыя их слова с необходимыми и без нужды в чужие вошли языки, и с необходимыми ради единыя красоты их утвердился, как на нашем языке *трон;* ибо и *престол* то же знаменует; а притом и великолепно слышится. Таковым образом вошло слово *корона* в русский язык, и знаменует то же, что и *венец.* Ради необходимости многия греческия слова стали быть словами всем языкам общими. И тако восприятыя греческия слова присвоены нашему языку достохвально, а немецкие и французские язык наш обезображивают.

О истреблении чужих слов из русского языка.
 Соч., т. IX, стр. 274—277.

Великая и премудрая богиня!

Бьет челом тебе Российская Мельпомена и все с нею Российския музы, а о чем мое прошение, тому следуют Пункты.

< >

2

Прекрасный из всех Европейских языков, ко исполнению нашей должности, способнейший язык Российский, от инакоплеменнических наречий, и от иноплеменнического склада, час от часу в худшее приходит состояние, а они о том только пекутся, чтоб мы Российския музы, в нашем искусстве ни какова не имели успеха; чтоб они учеными, а сыны Российския невежами почитались; хотя они сами о словесных науках, на которых зиждется вся премудрость, и понятия не имеют.

5

О заведении ученаго во Словесных науках собрания, в котором бы старались искусныя Писатели о чистоте Российского языка, и о возрождении Российского Красноречия, иноплеменники, наблюдая собственное свое прибыточество, и вражду к Российскому Парнаусу, никогда и не думывали, хотя такая собрания необходимо нужны; ибо без того Науки ни в котором государстве совершенного процветания не имели, и иметь не могут: да и под игом иноплеменников Науки успехов иметь не могут <...>

Челобитная российской Мельпомены. 7 Соч., т. IX, стр. 316—319.

Начто ж нам чужия слова вводить, когда мы по естеству и по примеру предков наших, своих из первоначальных слов довольно произвести можем? Чужия слова всегда странны будут, и знаменования их не так изъяснительны, и следственно введут слабость и безобразие в сильный и прекрасный язык наш. А то еще и страннее, когда мы то называем, или еще и пишем чужестранными словами, чему у нас есть точныя свои названия, и имея древний и несмешанный язык, портя его, слова из новых и смешанных языков вводим... Еще страннее производить из Русского языка новыя слова, давая им непристойныя предлоги, несвойственныя окончания, переменять ударения, и производить слова или несвойственное имущия знаменование, или против естества сложенные и в новом образе, никакого знаменования не имущия, кроме тени своего первоначала. Таковыя слова бесполезно на будущее употребление уповают. Они у потомков будут в презрении, или попортят язык, а такая искра, ежели искусными писателями не истребится, может погубить весь наш язык, чему видно довольно примеров. От чужих и не к стати несозданных слов погибли еллинской и латинской языки <...> А мы прекрасный свой, по естеству и древности, язык, вместо того, чтоб его вести к совершенству, сами портить начинаем. Французской язык всею

своею красотою остроумным писателям должен, а наш сам собою прекрасен; и ежели умножатся у нас стихотворцы и риторы, а притом по времени такое же как у французов учредится для исправления и распространения языка собрание, счастливы будут писатели потомков наших.

О коренных словах русского языка. Соч., т. IX, стр. 284—286.

<...>мы свой выговор и язык портить намерены, и во всяких обстоятельствах Немецкой и Французской язык прекрасному своему языку предпочитаем, которого красоты многия и не знают, а не зная красоты природного языка, можно ли красоты познать чужих языков, это предаю рассуждению всех людей, кроме самых невеж, которых как велико число, я не ведаю.

1759. К типографским наборщикам. Соч., т. VI, стр. 333.

О ПЕРЕВОДАХ

Посему скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке Французском,
То может в точности быть скаредно на Русском.
Не мни переводя, что склад в творце готов;
Творец дарует мысль; но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся,
И свойственно себе словами украшайся.
На что степень в степень последовать ему?
Ступай лишь тем путем, и область дай уму.
Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,
Достигнешь до него, и будешь сам с ним равен.
Хотя перед тобой в три пуда Лексикон,
Не мни, чтоб помощь дал тебе велику он,
Коль речи и слова поставишь без порядка:
И будет перевод твой некая загадка,
Которую ни кто не отгадает в иск;
То даром, что слова все точно ты нарек.
Когда переводить захочешь безпорочно;
Не то, творцов мне дух яви и силу точно.

1747. Эпистола о русском языке. Соч., т. I, стр. 331.

А. П. СУМАРОКОВ

1. Под «разумной грамотой» понимается Сумароковым овладение слогом, речью, ясностью изложения.

2. Рассуждения А. П. Сумарокова по вопросам истории русского языка и других языков во многих случаях не научны. Но приводимый материал показывает постоянное стремление Сумарокова возвысить русскую культуру, русский язык, поставить их на свое по праву почетное место в жизни русского народа и народов Западной Европы, защитить родной язык от того, что ему может вредить, что его может портить.

Характерно и внимание Сумарокова к выразительности речи.

3. В цитируемом отрывке Сумароков доходит до отрицания всякой возможности обогащения своего родного языка за счет других языков. Следовательно, позиция его в этом вопросе ошибочна, ненаучна.

4. В первых строках «Эпистолы» Сумароков ведет полемику с Ломоносовым. Следует подчеркнуть, что он дает совершенно неверную общую характеристику поэзии Ломоносова, упрекая последнего за то, что он «влечет в Германию Российскую Палладу». Затем ясны не лишние оснований выпадать против Треднаковского, который «слово в слово он в слог Русской переводит». Далее Сумароков излагает свои положительные взгляды, предостерегая писателей от возможных ошибок. Среди интересных правильных мыслей Сумароков высказывает общую для писателей-классиков объективно ошибочную мысль, что слова, «которые перед обществом бывают», «гораздо должны быть пышнее сложены». По поводу такого рода взглядов Сумарокова Ломоносов замечал, что Сумарокова интересует одно только «жалкое рифмачество».

5. «Взошло невежество на самый Геликон», т. е. невежество, безграмотность появились даже среди писателей.

6. Рассуждая о словах, взятых в русский язык из других языков, Сумароков стремится, за немногими исключениями, очистить от них русский язык.

Высказывание Сумарокова интересно самой его постоянной, настойчивой заботой о сохранении и возвеличении родного языка и затем интересно приводимым Сумароковым словарем живой, современной ему речи как с достижениями ее, так и с нелепостями, отпавшими в самом скором времени. Относительно большинства приводимых им слов он прав, и они исчезли из русского языка. Но в то же время целый ряд слов, вызвавших его гонение, прочно вошел в русскую речь.

7. «Челобитная Российской Мельпомены» напечатана впервые в 1760 г. Один из ярких исторических документов борьбы Сумарокова за русскую культуру и русский язык.